

Сергей
ГОЛУБИЦКИЙ
специально
для «Новой»

Автом в Сахаровском центре спорили о цифровых правах. Тема одной из встреч — «Новая цифровая антиутопия: чему Китай может научить мир», — на мой взгляд, обладает для нашей страны удивительным свойством *обратной актуализации*, в том смысле, что чем глубже мы погружаемся в новую реальность, тем востребованнее становится китайский социальный эксперимент.

С одной стороны, мы наблюдаем снижение уровня взаимопонимания между российским обществом и властью, с другой — интенсификацию усилий государства, направленных на создание новой цифровой реальности по китайской модели: проверка и фильтрация сетевых пакетов по содержанию, блокировка «неправильных» сайтов, разработка мер по самоизоляции Рунета, наконец, создание национальной системы управления данными, которая предположительно к 2022 году сведет воедино более 800 государственных реестров и баз — от Федерального регистра населения до реестра недвижимости и транспортных средств, медицинской информации, налоговых сведений и т.п.

Картина вырисовывается вполне оруэловская, даже с поправкой на традиционный российский *ноншалант*, который на ранних этапах, безусловно, мешает реализации и эффективному использованию Big Data — главного оружия Нового мирового порядка.

В любом случае в отношении общества и государства приходится констатировать наступление новой эры, воспринимавшейся до последнего времени то ли технологической штукой, то ли каналом для откатов. Не менее важно осознать и универсальность нового этапа в отношениях общества и государства. Это не китайское изобретение, не российское и даже не американское, хотя именно в Америке эти процессы были запущены 11 сентября 2001 года. Сегодня контроль над сетевым трафиком, цензурирование дискурса и массовый сбор частных данных граждан ведется как корпорациями, так и государственными структурами повсеместно — от США, России и Китая до Дании, Швеции и Турции. Это *новая реальность*, и нужно как-то учиться ее воспринимать.

Сегодня мне бы хотелось затронуть лишь один частный аспект новой реальности, а именно — феномен китайской «системы социального рейтинга» (далее по тексту — ССР), причем исключительно в плане перспектив его адаптации в России.

Вопрос этот мне кажется чрезвычайно актуальным еще и потому, что в нашем обществе доминирует иллюзия, которую, признаюсь, я также разделял до последнего времени. Считается, что ССР в России не приживется, потому что русский народ хоть и своеобразный, но все-таки европейский, и экстаз от хождения строевым шагом давно перерос.

В начале 2018 года я анализировал в «Бизнес журнале» перспективы создания «Золотого щита» (глобального файрволла) в России по образу и подобию китайской модели («Золотой щит России»). Позволю самому себе: «Принято считать, что между русскими и китайцами пролегает неодолимая поведенческая и ментальная пропасть, которая якобы не позволяет реализовать «Золотой щит» в России с таким же успехом, что и в Поднебесной».

О каких отличиях идет речь? В социокультурологии китайский и русский менталитеты хорошо описаны и изучены,

поэтому будет несложно привести сравнение ключевых характеристик, важных для прогнозирования отношения народа к информационной цензуре (таблица отражает авторские взгляды на национальные менталитеты).

Параллель в национальном менталитете больше, чем расхождений. Это легко объясняется коммунальной и замкнутой природой русского и китайского общества, тяготами исторических испытаний и невысоким уровнем материального благополучия. Единственное отличие, наделенное потенциалом активного противоборства цензуре в интернете, выступает важность *этических ценностей* для русского человека.

Российское государство замечательно осведомлено об особенностях своих подданных, поэтому все свои действия предваряет созданием мощного морально-нравственного фундамента. Политика России нового времени выстраивается на идее «защиты традиционных ценностей» и «исторических, духовных и патриотических традиций». Пафос поведения власти: мы хотим строить наш собственный Русский мир, основанный не на сомнительном диктате сексуальных меньшинств, разрушении нравственности и ювенальной полиции, а на принципах «жизни по правде».

Тогда, в начале 2018 года, я сделал вывод, что «если будет принято решение о строительстве «Золотого щита России», призванного оградить русские «традиционные ценности» от «тлетворного влияния Запада», большинство населения страны поддержит эту инициативу.

При этом у меня оставались сомнения в целесообразности реализации «Золотого щита»: «Изолируем Рунет от мира и... что дадим взамен? Где русские аналоги Baidu, Baidu, Qiyi, Taobao, WeChat, Alipay, Alibaba? Где полноценные альтернативы Twitter, YouTube, Aliexpress, Amazon, Apple Music? Самое главное: где адекватная замена колоссального потока материальных благ, практически на 100% поступающего «из-за бугра»? Где российские макбуки, айфоны, айпады, не говоря уж про мерседесы, тойоты и рендж роверы?

Сравнительные социокультурные характеристики китайского и российского народов

- жесткость
- дисциплинированность
- предельная неприхотливость
- коммунальность
- высокая коммуникальность
- низкая агрессия
- приоритет «своего», неуважительное отношение к чужому
- трудолюбие
- отсутствие инициативности
- отсутствие любопытства
- pragmaticность
- шаблонность мышления
- приоритет интересов, связанных с материальным миром
- доминирующая мотивация: выживание и материальное благосостояние

Рейтинг для Китеж-Града и цифровые права его граждан

Как китайские технологии будут работать в России: цензура или инициатива масс

Привлекательных товаров нет, массовых сервисов нет. Есть нефть. Есть газ. Есть цензура. Всё. Как в подобных условиях прикажете изолировать Рунет? Вернее, ради чего? Что мы будем «экономически защищать»? Какое цифровое «импортозамещение»? Яндекс, Йотафон и антивирус Касперского? В общем,

можно спасть спокойно: «Золотого щита России» не будет».

С момента написания этих строк прошло полтора года, и строительство «Золотого щита» уже идет полным ходом. Как и ожидалось, при молчаливом одобрении большинства населения. Поскольку полноценных аналогов китайских сервисов в местном исполнении как не было, так и нет, можно предположить, что строительство «Золотого щита» ведется не ради защиты каких-либо духовных ценностей, а по сугубо оборонительным соображениям. На мой взгляд, это недальновидно, и главное — бесперспективно для власти.

Предлагаю теперь применить совокупность озвученных аргументов к феномену ССР и посмотреть, каковы шансы реализации еще и этого китайского изобретения в России.

Во избежание разночтений сведу ведомую информацию, адекватно описывающую систему социального рейтинга. Для этого использую тезисы, прозвучавшие во время дискуссии в Сахаровском центре, поскольку мне они представляются точными и концентрированными.

Под китайским социальным рейтингом понимается совокупность на сегодняшний день все еще разрозненных и несистематизированных экспериментов, которые начались в корпоративной культуре Китая, а затем были поддержаны и расширены государством.

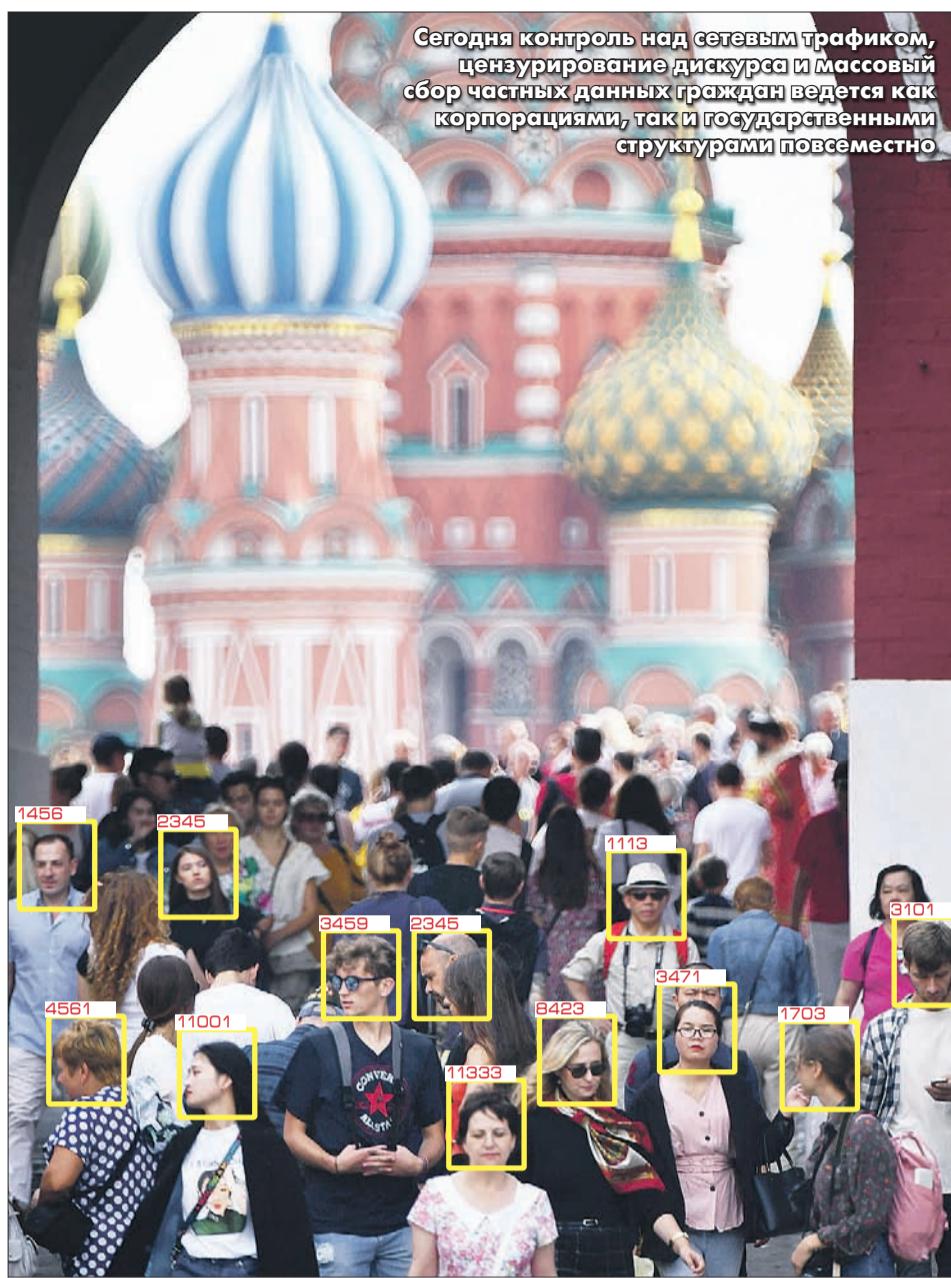
Китайский бизнес преследовал изначально сугубо деловые цели, заимствованные, между прочим, из европейской традиции. В частности, его привлекала перспектива создания системы надежного слежения за кредитной историей граждан.

Китайское государство «расширило естественный функционал рейтинга» (цитирую Михаила Коростикова, обозревателя «Коммерсанта») на бытовое поведение граждан (скандалы в общественных местах и транспорте, семейные конфликты, структура трат и доходов, паттерны потребления и т.п.).

Основной мотив китайской власти для подобного «расширения функционала» — желание копировать в обществе социальную напряженность, которая постоянно

- жесткость
- недисциплинированность
- предельная неприхотливость
- коммунальность
- низкая коммуникальность
- низкая агрессия
- уважительное отношение к незнакомым людям
- трудолюбие
- отсутствие инициативности
- высокое любопытство
- непрагматичность
- оригинальность мышления
- высокий приоритет этических ценностей («по совести», «по понятиям»)
- доминирующая мотивация: выживание и материальное благосостояние

при чем: этой трагической схизме в русском обществе без малого 320 лет.

Проблема в том, что «большой народ» России не захотел бы жить в Германии ни за какие ковришки. Не потому, что боится иностранных языков и тяжел на подъем. А потому, что для «большого народа» приоритетна *материя*, а не *идея*. Тем более что это универсальная закономерность, а не русская специфика.

Материя — это безопасность на улице (в самолете, автобусе, кинотеатре), это полный ходильник, это обутые и одетые дети, это доступное образование и медицина. А *идея* — это совокупность гражданских свобод (слова, прессы, собраний), это неприкосновенность личности, это права меньшинства (любого: от малочисленной фракции в парламенте до ЛГБТ-сообществ).

Никогда в истории «большой народ» не жертвовал материей ради идеи. По этой, кстати, причине ни одна революция в истории не совершалась ради идеи. Идеями питались вожди-фанатики. Для того чтобы поднять «большой народ» на великую смуту, приходилось идти на ухищрения и находить (на худой конец — нагло выдумывать) сугубо материальные поводы: от протухших щей в камбузе брошеносца до засеченного до смерти холопа на барском дворе.

Китайцы положительно относятся к системе социального рейтинга не потому, что они китайцы, а потому, что видят в ней прямую для себя материальную выгоду, общественный порядок, гармонию, покой и удобство.

Есть, однако, в русской фактуре еще одно обстоятельство, создающее для социального рейтинга на местной почве дополнительные преимущества.

В национальном эгрегоре России (да простят мне читатели эзотерическую терминологию, но лучшего слова в данном контексте не подобрать) доминируют два фетиша — *справедливость* и *недоверие к власти*.

И то, и другое уходит, похоже, к самым истокам государственности — от приглашения варягов на царствование до Золотой Орды.

Система социального рейтинга прекрасно вписывается в народную одер-

ложку-выручалочку, а именно: удивительную идею о том, что *Власть* и *Государство* не являются синонимами.

Идеализированный образ Государства, освященного фетишием справедливости, воплощен в русской Атлантиде — *Китеж-Град*. Вот только Китеж-Град пребывает в воображении, поэтому для реальной жизни нужен действенный *палиатив*. И таковой палиатив мы находим в еще одной потрясающей формуле: «*Государство — это государь*»!

Китеж-Град = Государство = государь формирует положительный полюс в русском эгрегоре. Откуда же тогда берется Зло в жизни общества? От Власти! Знаете почему? Потому что Власть — это не Государство и не государь. Власть — это бояре.

Всякий беспредел, творимый на местах и в центре, — это не продукт Государства и государя, а продукт Власти бояр (боярский беспредел). А вот Государство-государь — это защитник народа, защитник русского эгрегора и национального самосознания.

Эти невероятные перипетии духа создают предпосылки для двух возможных сценариев реализации ССР в российском обществе. Напоминаю, что мы исходим из представления о том, что социальный рейтинг — это «инструмент для упорядочивания жизни общества и достижения утопии справедливости».

Первый путь. ССР вводится под эгидой государя. На уровне метафоры вариант привлекательный, однако утопичный в плане практической реализации. Народ хоть и считает государя персонификацией справедливого Государства (Града Китежа), однако осознает, что речь идет все же о живом человеке. Государь не может за всем уследить, поэтому неизбежно делегирует имплементацию ССР Власти (боярам), а те уж не преминут любое доброе начинание обернуть себе в *авантаж*. В итоге ССР закончится тем, что и всё остальное в нашей жизни: беспределом и отсутствием справедливости.

Второй путь. ССР вводится под эгидой «мира» — еще одной палочки-выручалочки из запасников национального эгрегора. «Мир» — это третий субъект русской жизни наряду с Властью (боярами) и Государством (государем). У «мира» исторически было две функции: пассивно давать реальности морально-этическую оценку и — в судьбоносные периоды истории — спасать Государство (государя). Чем, нужно сказать, русские государи всегда успешно пользовались — от князей и царей до генералов.

Одним словом, если и есть у социального рейтинга в России исторический шанс, то он появится лишь в том случае, если эту систему станут внедрять всем «миром», то есть по инициативе снизу. В идеале, при благословении и освящении государем. Да еще и на распределенном децентрализованном инклузивном блокчейне.

О, как бы мне хотелось здесь поставить точку и завершить красивую утопию на возвышенной ноте.

Увы, не получится. Потому что, как только дело дойдет до вопроса регуляции по результатам социального рейтинга, то есть до непосредственного исполнения *поощрений и наказаний*, сразу же возникнет потребность в *структуре*, уполномоченной раздавать пряники и стегать кнутом. Проблема в том, что по Конституции вторая функция делегирована исключительно Власти. То есть боярам. А те, получив право маслить и выволакивать, мигом развернут такую бурную деятельность, что...

Короче, опять ничего не получилось. Ну да не страшно: попытка, ведь, не попытка, не так ли, Лаврентий Павлович? По крайней мере, у нас вышел сочный сиквел великой комедии, в которой Иван Васильевич меняет профессию, на сей раз — в эпоху Deep Fake, Post Truth и криптовалют.

возникает из-за традиционного отсутствия доверия китайцев друг к другу. Однако в воображении отечественной (и шире — западной) либеральной интеллигенции начали всплывать картины, навеянные ужасами истории XX века: тайная и истинная цель китайской власти — не оказывать влияние на злостного неплательщика по кредитам, не наказывать за драки в общественном транспорте, не предотвращать разводы и частую смену работы, а следить и наказывать тех, кто не читает цитатник Си Цзиньпина и не поддерживает политику родной партии и правительства.

При этом из вида выпускаются два важных момента. Во-первых, ССР разрабатывается и используется не для наказания, а для социального поощрения. То есть происходит не *ущемление в правах относительно нормы, а ущемление относительно привилегий*. Так низкий социальный рейтинг ведет не к тому, что у тебя отнимут кусок хлеба или бросят в застенки, а к тому, что ты не получишь кредит на льготных условиях, а китайские госкомпании не продадут со складкой авиабилет для отпуска в Таиланде и т.д.

Именно *поощрительный*, а не репрессивный аспект ССР заставляет усомниться в правомерности параллелей, которые принято проводить с советским 37-м годом. Аналогия — штука в принципе опасная, а в конкретном случае еще и неуместная: уж поверьте, в арсенале государств с историческим опытом Китая или России достаточно средств для подавления инакомыслия и без системы социального рейтинга.

Второй момент, который наш брат, либеральный интеллигент, упускает из вида при оценке ССР, — это массовая поддержка эксперимента самим населением Китая. Народ рейтинг поддерживает, потому что для него это не тоталитарная система контроля, а защита от мошенников и хамов в бытовой жизни.

В выступлении Михаила Коростикова меня больше всего впечатлила история о массовых прецедентах, когда пассажиры, проехавшие свою остановку, вырывали из рук водителя руль, требуя высадить их постфактум. Если бы я не имел счастья ежегодно лицезреть китайцев в Таиланде, наверное, не поверил бы.

В национальном эгрегоре России доминируют два фетиша — справедливость и недоверие к власти. И то, и другое уходит, похоже, к самым истокам государственности

со школьной скамьи, или лекарства, когда-либо прописанные доктором или купленные в аптеках), что никакой китайской «Алибабе» и ЦК КПК даже не мечталось.

Нам осмотрим теперь, каковы шансы ССР прижиться на русской земле.

Во время дискуссии в Сахаровском центре редактор отдела политики «Новой газеты» Кирилл Мартынов сказал, что большинство *изнас* не хотело бы жить в современном Китае или современной России, потому что у *нас* иные ценности, нам хотелось бы иметь что-то вроде открытого конкурентного общества с демократическими институтами и свободой прессы. Что-то вроде Германии.

Я согласен, но с важной оговоркой: это нужно именно что *нас*. Вот только мы (те, что с университетским образованием, знанием иностранных языков и менталитетом, испорченным обильными путешествиями по миру) — это в лучшем случае «*малый народ*», обитающий внутри «*большого народа*». И, поверьте, евреи с Шафаревичем тут ни

жимость справедливостью, однако конфликтует с недоверием к власти. По этой причине в чисто китайском варианте ССР в России никогда не приживется: народ всегда будет его отторгать, будет ему противоборствовать и дискредитировать по мере сил и возможностей.

При этом сам по себе социальный рейтинг в глазах «*большого народа*» не перестает быть замечательным инструментом для упорядочивания жизни общества и достижения утопии справедливости. Сохранение общественного порядка, уважение чужих прав в обмен на защиту собственных — важный элемент *жизни по совести*, поэтому когда соседа не пустят в Анталию из-за регулярных шумных пьяночек, общественность это, безусловно, одобрят и поддержат. Но только при одном условии: *правосудие социального рейтинга будет чиниться не руками власти*, к которой априорно нет доверия.

Если не руками власти, то чьими? И тут арсенал русского национального эгрегора протягивает нам еще одну магическую па-